



А.Г.АЛЕКСАХА

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛАВЯН. ПРОГРЕССОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ (ПРОДОВЖЕННЯ)

6. Лесная зона Центральной и Восточной Европы, середина II - начало I тыс. до н. э.

Примерно начиная с XVI в. до н. э., в лесной части Украины начинает распространяться тшинецкая культура [Археология УССР, т.1, с.444]. Несколько более поздним временем датируют начало тшинецкой культуры польские археологи – серединой XV в. до н. э. [Кухаренко 1969, с.69-70]. Эта культура занимала очень большую территорию – большую часть территории Польши (западнотшинецкая культура), северную часть Правобережной Украины (восточнотшинецкая культура) и часть левобережья в междуречье Днепра и Десны (сосницкая группа восточнотшинецкой культуры, или сосницкая культура).

Как считают археологи, тшинецкая культура сформировалась на основе одной из культур шнуrowой керамики [Археология УССР, т.1, с.444]. Единство тшинецкой культуры не оставляет сомнения, что ее носители расселились из одного центра. Возможно, что таким центром была Вольнь. Действительно, этот регион не раз был резервуаром-донором, из которого исходили миграции. Кроме того, он расположен в центре ареала тшинецкой культуры. Отсюда население вполне могло расселиться двумя потоками: на восток южнее Припяти и на северо-запад, на территорию Польши.

В Среднем и Верхнем Приднестровье в это же время проживали носители комаровской культуры, имеющей много общего с тшинецкой культурой. Некоторые ученые выражают уверенность в том, что "...тшинецкая культура в Польше,

восточнотшинецкая в Северной Украине и комаровская на Днестре относятся к одной культурной и, вероятно, этнической общности" [Археология УССР, т.1, с.437]. Вместе с тем археологи отмечают большую близость комаровской культуры с племенами Карпато-Дунайского бассейна, в связи с чем допускается возможность того, что в сложении комаровской культуры участвовала какая-то группа племен, переселившихся из-за Карпат [Археология УССР, т.1, с.436].

Начиная с конца XIII в. до н. э. археологи отмечают в памятниках комаровской культуры усиление влияния культуры Ноа, которая занимала значительную часть территории Румынии и Молдавии. Как полагают исследователи, культура Ноа генетически связана с достоверно фракийскими культурами [Morinitz, p.216]. С XII в. до н. э. носители культуры Ноа занимают территорию комаровской культуры на правобережье Днестра, но в то же время восточнее, в верхней части бассейна Южного Буга возникает белогрудовская культура (XI-IX вв. до н. э.), имеющая много общих черт с комаровской культурой [Археология УССР, т.1, с.512]. В белогрудовской культуре прослеживается сильное влияние культуры Ноа. Это обычай насыпать зольники, керамика, некоторые украшения и орудия труда [Археология УССР, т.1, с.502]. С конца XI в. до н. э. культура Ноа в Приднестровье сменяется культурой фракийского гальштата [Мелюкова], а с IX в. до н. э. на основе белогрудовской культуры формируется чернолесская культура (IX-VI вв. до н. э., вместе с жаботинским этапом),

основной центр которой находился в лесном массиве в бассейне

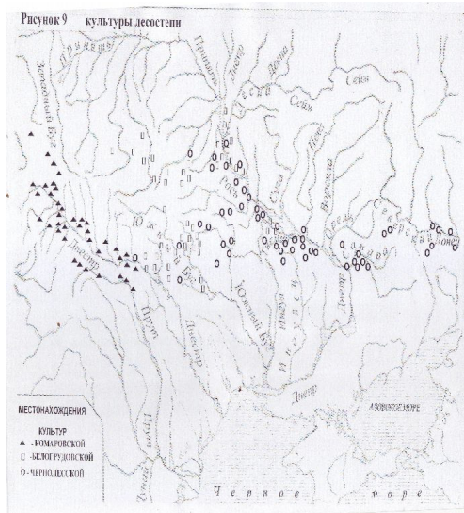


Рисунок 9.

Тясмина и верховьях Ингульца. Часть населения чернолесской культуры переселилась на Правобережье и поселилась в лесных районах в Самарской луке возле Днепропетровска и на Северском Донце выше Луганска [Археология УССР, т.2, с.22]. В керамике чернолесской культуры ощущается влияние фракийского гальштата [Мелюкова].

Таким образом, в то время как носители тшинцевской культуры расселялись на восток по лесной зоне территории Украины, носители комаровской культуры мигрировали из Приднестровья в бассейн Южного Буга, а позднее их потомки – в район Тясмина-Роси и на левобережье, при этом не теряя связей с культурами Карпато-Дунайского бассейна. Присутствие в украинской лесостепи населения, говорившего на каких-то восточнобалканских языках, предположительно фракийских, подтверждается наличием фракийских гидронимов, протянувшихся от верховьев Днестра через верховья Южного Буга к Среднему Днепру [Трубачев 1968, с.282]. Среди этих гидронимов присутствует ряд гидронимов, имеющих в основе

индоевропейский корень *streu* – “течь” (рус. струя, укр. струм, нем. *Strome* – поток) [Трубачев 1968, с.155]. Это, в частности, Стрый, Стрыпа, Струга. От этого же корня образовано фракийское название Дуная – Истр. С этим корнем лингвисты связывают также название Днестра. Известно, что у Иордана эта река называется Данастер. Двучленность этого названия очевидна и давно известна. Первая часть этого названия, “дана”, т. е. река, из какого-то иранского языка. В основе второй морфемы лежит указанное выше фракийское слово “стр” – река [Трубачев 1968, с.216-218]. Очевидно, иранцы, которые пришли к Днестру позже фракийцев, образовали название Днестра по принципу “река Стр”, т. е. “река Река”.

В связи с вышесказанным интересна параллель с названием крупнейшей реки Украины – Днепра. Иордан называет эту реку Данаприс. По аналогии с вышесказанным, название “Данаприс” должно читаться “река Прис”, или, скорее, “Порис”. Совсем недалеко, в Прикарпатье, протекает еще одна крупная река со сходным названием – геродотовская Пората, современный Прут. Подсчитано, что на территории Фракии топонимов с морфемой “пара” имеется более 50 [Georgiev, p.9]. Хотя наши знания о фракийском языке, как уже отмечалось выше, скудны, все же лингвисты с большой долей вероятности утверждают, что это слово имело значение “река”. Оно восходит к индоевропейскому *boro* – “река” и имеет аналогии в некоторых других языках. Интересно, что на территории древней Фракии в современном болгарском языке сохранилось слово *baга* в значении “ручей” [там же].

Наиболее раннее из известных нам названий Днепра – Борисфен. Так называли эту реку во времена Геродота. Морфема “Порис”, несомненно, соответствует первой части этого названия Днепра. Переход “б” в “п” – обычное явление. Возможно, что двухчленное название Борис-фен (или, точнее, then) построено по тому же



принципу, что и более позднее Дана-порис, т. е. “река Река”. Хотя ничего нельзя утверждать наверняка, все же археологические свидетельства в пользу фракийского происхождения предскифских культур лесостепи соответствуют предположительно фракийскому древнему названию крупнейших рек этих мест – Днепра и Днестра. Ведь чем крупнее река, тем реже она меняет название, поэтому мы не знаем этимологии названий большинства, если не всех, крупнейших рек.

Западная часть тшинецкой культуры просуществовала на территории Польши примерно до конца II тыс. до н. э. Вероятно, очень рано, практически сразу же после их появления в Польше, носители тшинецкой культуры начинают миграции на северо-восток, в Белоруссию. После их ухода из западной половины Польши на территории от левобережья Эльбы до правобережья Вислы и от побережья Балтики до Северной Моравии примерно в XV-XIV вв. до н. э. формируется предлужицкая культура, в формировании которой, как полагают археологи, большую роль сыграло население южных районов – среднедунайских и прикарпатских [Кухаренко 1969, с.69]. Формирование лужицкой культуры завершилось к 1200 г. до н. э. Нет никакого сомнения в том, что истоки лужицкой

культуры лежали также в Карпато-Дунайском бассейне, потому что лужицкая культура была важнейшей частью культурной общности полей погребальных урн. Отличительной чертой

Рисунок 10.

этой общности был обряд кремации умерших с захоронением останков в погребальных урнах. Возник этот обряд в бассейне Среднего Дуная и впоследствии был распространен отсюда по Европе миграциями населения [Piggot, p.145; Gimbutas 1965, p.296 ff.]. Кроме погребального обряда, сильное среднедунайское и прикарпатское влияние ощущается и в других элементах лужицкой культуры [Кухаренко 1969, с.71].

Территория лужицкой культуры простиралась от левобережья Эльбы до восточных границ современной Польши, кроме северо-востока, на юге включала в себя значительную часть территории современной Чехии, а на юго-востоке – часть Волыни и Приднестровья [Кухаренко 1969, с.72]. Тут, при несомненном влиянии лужицкой культуры, в VIII в. до н. э. возникает высоцкая культура. Некоторые археологи считают высоцкую культуру не самостоятельной культурой, а лишь сильно продвинутой на восток группой лужицкой культуры [Археология УССР, т.2, с.42].

С большой степенью вероятности можно предположить, что распространение лужицкой культуры по территории Польши стало возможным вследствие миграций отсюда с конца II тыс. до н. э. носителей западотшинецкой культуры далее на восток, на территорию Восточной Прибалтики и Белоруссии. Тут возникает культура штрихованной керамики, которая охватывает очень большой ареал: частично Калининградская область России, Литва, Латвия, запад Эстонии, юго-запад Финляндии, в Белоруссии и России примерно по линии Себеж – Торопец – Белый – Смоленск – р. Сож – водораздел между Припятью и Березиной. Возникла культура штрихованной керамики в конце II



тыс. до н. э. и просуществовала до середины I тыс. н. э. Исследователи этой культуры отмечают, что она формировалась под влиянием с юго-запада. О связях с западом свидетельствует и форма проушных узколезвийных топоров культуры штрихованной керамики. Такие топоры наиболее типичны для южной Прибалтики, где они и возникли [Очерки, с.208]. Расселение носителей культуры штрихованной керамики на столь большой территории неизбежно привело к ее фрагментации. На территории Прибалтики и Белоруссии на ее основе возникают местные культуры.

Рисунок 11.



Несколько раньше прихода в лесную зону Восточной Европы носителей западнотшинецкой культуры, где-то во второй половине II тыс. до н. э. сюда с территории Среднего Поднепровья начинают проникать носители восточнотшинецкой культуры, в результате чего тут формируется сосницкая группа, или сосницкая культура. Эти миграции хорошо фиксируются некоторыми чертами сосницкой культуры, не характерными для предшествующей среднеднепровской культуры, но присущими тшинецко-комаровской общности, например, тюльпановидными горшками. Вследствие расселения носителей сосницкой культуры на ее основе возникает лебедовская

культура. Позднее носители лебедовской культуры уходят с Подесенья на север в верховья Днепра и Западной Двины, где в VII в. до н. э. возникает днепро-двинская культура [Археология УССР, т.2, с.182]. Археологи отмечают целый ряд признаков, свидетельствующих о генетическом родстве сосницкой, лебедовской и днепро-двинской культур [Березанская].

Вследствие того, что критический коэффициент в бассейне Десны упал, сюда с северо-востока по течению Оки проникает население, родственное дяковской культуре (общность культур текстильной керамики), вследствие чего в бассейне Десны и Сейма в VI в. до н. э. формируется юхновская культура. Археологи отмечают сходство форм и орнаментации керамики, украшений и глиняных изделий дяковской и юхновской культур [Археология УССР, т.2, с.182].



Рисунок 12

Таким образом, миграционные потоки в лесную зону Восточной Европы шли с запада и востока в обход бассейна Припяти. Эти потоки сомкнулись примерно по линии Березина – среднее течение Западной Двины. Исследователи отмечают своеобразие западной части днепро-двинской культуры, занимавшей среднее течение Западной Двины. Днепро-двинским слоям тут предшествуют слои со штрихованной керамикой [Шадыро, с.111-113].

После того, как достаточно плотно были заселены окружающие лесные районы, началось заселение и Полесья. Памятники,

найденные здесь, относятся к милоградской культуре. Как полагают археологи, самые ранние памятники этой культуры найдены на Волыни и датируются концом бронзового века [Мельниковская, с.164], что соответствует VIII в. до н. э. [Археология УССР, т.1, с.356]. Для милоградской культуры характерно долговременное движение на восток. Если в начале своего развития эта культура занимала небольшую территорию на Волыни, то в период своего расцвета она охватывала весь бассейн Припяти и среднее течение Днепра, переходя местами на его левый берег. Северная граница Полесской низменности совпадала с северной границей распространения милоградской культуры, а на юге ее границей служит рубеж лесостепи и лесной зоны, т. е. южная граница Полесья [Мельниковская, с.18].

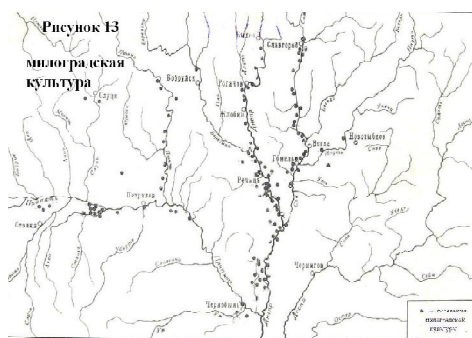


Рисунок 13.

В условиях, когда земледелие становится важной отраслью хозяйства, миграционные потоки, как мы отмечали выше, огибают Полесье. Эта территория не привлекает переселенцев, а ранее расселившиеся тут охотники, по мере увеличения роли земледелия, стремятся уйти отсюда на более подходящие для земледелия территории, благо они еще в это время были свободными. Именно поэтому, если для более ранних периодов тут есть следы пребывания людей, то для позднего бронзового века, несмотря на многолетние обследования, археологи не выявили тут следов каких-либо культур [Мельниковская, с.167]. Следовательно, расселение милоградцев по территории Полесья происходило потому, что большая

часть этой территории была в основном пуста.

Следует отметить, что чем дальше на восток, тем сильнее континентальность климата, т. е. снижается обводненность и увеличивается количество земель, пригодных для земледелия. Этот фактор также, кроме роста населения, стимулировал движение милоградцев на восток. Продвигаясь на восток, милоградское население в конце концов вышло к Днепру. Правый берег Днепра возвышенный, вследствие чего этот район выгодно выделяется плодородными и более сухими землями на фоне окружающей низменной и заболоченной территории. Вероятно, основная масса милоградского населения расселилась на правом берегу Днепра от г. Речицы до г. Лоев (примерно 60 км. по течению Днепра), где наиболее тесно сосредоточены милоградские памятники. Большое количество городищ найдено также выше по течению Днепра до г. Быхова и на правом берегу р. Сож до Славгорода. Количество милоградских городищ здесь очень велико, под городища занимали буквально каждый удобный мыс.

Особенно тесные связи у милоградцев были с населением культуры штрихованной керамики. Исследователи как милоградской культуры [Мельниковская, с.156-159], так и культуры штрихованной керамики [(Митрофанов, с.30)] отмечают тесную связь между ними. Взаимное проникновение элементов милоградской культуры и культуры штрихованной керамики настолько сильное, что археологи иногда не могут разграничить эти памятники на больших площадях [Очерки, с.187]. Характерной чертой милоградской культуры и смежных культур лесной зоны является отставание их в развитии от более южных культур [Археология УССР, т.2, с.180], причем отставание было сильнее по мере продвижения на север.

6. 1. Украинская степь и лесостепь с III тыс. до н. э. до начала нашей эры.

Мы уже отмечали выше, что резервуары степи имели значительно меньшую емкость, чем лесостепные резервуары. В этой связи становится понятным, в чем причина того, что в лесостепной зоне ученые отмечают черты непрерывного развития культур бронзового и раннего железного веков (комаровская, белогрудовская и чернолесская культуры), более или менее плавный переход одной в другую, что позволяет говорить о континуитете этнического состава населения. В степи же ситуация была другой. Тут наблюдались постоянные перемещения племен, что отразилось на образовании основных археологических культур [Археология УССР, т.1, с.360 и сл.]. Примерно в самом конце III – начале II тыс. до н. э. ямную культурную общность сменяет катакомбная, которая, в свою очередь, со второй половины XVII в. до н. э. сменяется культурой многоваликовой керамики. С конца XVI в. до н. э. в степях распространяется срубная культура.

Иными словами, в степи миграции происходили гораздо чаще и имели более выраженные последствия, чем в лесостепи. Эта разница в миграционной активности населения объясняется действием второго закона резервуара: менее емкие степные резервуары наполнялись быстрее, чем лесные, и это приводило к большей активности степного населения. В этой связи становится понятным также и отставание в развитии населения лесостепи и, в еще большей степени, лесной зоны от населения степи, фиксируемое археологами. Более быстрое развитие степного населения также было вызвано действием второго закона резервуара, ведь с наполнением резервуара развитие его населения всегда ускоряется. Отставание лесной зоны от степи просматривается уже со времени ямной культуры, т. е. еще в медном веке. В то время как племена степи уже имели укрепленные поселения – например, Михайловка на Нижнем Днепре (конец IV – начало III тыс. до н. э.) [Археология УССР, т.1, с.35], применяли камень для строительства

жилищ и довольно широко – медные изделия, в лесостепи и лесной зоне не было укрепленных поселений, медных орудий найдено очень мало, техника домостроения была более примитивной. Впрочем, на этом этапе опережающее развитие населения степи проявляется еще слабо и стало более заметным в бронзовом веке.

Своего максимума опережение развития степного населения достигает в период существования в причерноморских степях срубной и сабатиновской культур. Носители срубной культуры занимали с XVI в. до н. э. территории степей от Волги до Днепра. Несколько позднее, в XIV в. до н. э., на правом берегу Днепра формируется сабатиновская культура. И для срубной, и для сабатиновской культур характерен сравнительно высокий уровень развития ремесла, земледелия и скотоводства. Особенно высок этот уровень у населения сабатиновской культуры. Строительство домов из камня, огромное количество металлических изделий, притом, что металл был привозным, находки захоронений, свидетельствующие о социальной стратификации общества [Шмаглий, Черняков, с.5-115], – все это доказывает, что как уровень развития, так и критический коэффициент у сабатиновского населения был довольно высок. Ничего подобного мы не наблюдаем в это время у населения лесной и лесостепной зон. Находки металлических изделий тут редки, орудия труда почти полностью изготавливаются из камня, никаких следов социальной стратификации, погребения стандартны: из этого можно сделать вывод о том, что население этих зон имело уровень развития существенно более низкий, чем население степи. Археологи связывают происхождение сабатиновской культуры с Балканами, с продвижением носителей культуры Ноа на восток [Новикова, с.25-55]. Румынский исследователь А. Флореску даже полагал, что близость сабатиновской культуры и культуры Ноа настолько велика, что их можно объединить в одну культуру



[Floresku, p.59 -94]. Таким образом, налицо миграции из Карпато-Дунайского бассейна на восток, имевшие место примерно в одно и то же время. Комаровская культура, которая возникла в XV в. до н. э., распространялась в лесостепи, а сабаатиновская – с XIV в. до н. э. – в степи.

Сабаатиновская культура стала апогеем развития степных племен бронзового века. Со второй половины XII в. до н. э. начинается белозерский этап развития населения степи Северного Причерноморья. Этот этап характеризуется значительными изменениями. Так, на одном из поселений в более ранних слоях найдены кости 230 особой домашних животных, а в более поздних – лишь 17. Аналогичная картина наблюдается и на других поселениях [Археология УССР, т.1, с.524]. Заметно сокращается металлообработка, уменьшается число находок бронзовых изделий [Черных 1976а]. Вместо бронзовых серпов сабаатиновского времени начинают применяться серпы с кремневыми вкладышами [Археология УССР, т.1, с.524]. Налицо явный регресс, который трудно объяснить с точки зрения обычного здравого смысла. Следов каких-либо иных культур не обнаружено, поэтому полагать, что причиной регресса стало вторжение извне, нельзя.

С точки зрения предлагаемой модели наиболее важным фактом, позволяющим понять события, является явная депопуляция Северного Причерноморья в XII в. до н. э. Резко уменьшается число поселений в Нижнем Поднепровье на белозерском этапе по сравнению с сабаатиновским [Археология УССР, т.1, с.525]. Исчезают многочисленные поселения срубной культуры в бассейне Северского Донца. Скорее всего, такая депопуляция могла быть следствием значительной миграции степного населения. Действительно, как отмечалось выше, в начале XII в. до н. э. начались миграции племен, известных египтянам как “народы моря”. На освободившиеся территории в Малой Азии начались

миграции населения с Балкан, среди которого были и племена – носители праармянского языка. В свою очередь, сабаатиновские племена переселились на Балканы, откуда пришли их предки.

То, что этим миграциям предшествовал взлет экономического и социального развития в сабаатиновское время, подтверждает тезис, что эти миграции, согласно третьему закону резервуара, произошли под действием высокого критического коэффициента. Действительно, сабаатиновцы жили в степи, в долинах рек. Емкость этого резервуара не могла быть большой.

Несмотря на уменьшение населения, степные племена все равно существенно опережали население лесостепи в развитии. Погребения белозерского времени по-прежнему содержат признаки социальной стратификации, хотя доля грунтовых, т. е. более простых захоронений, сильно возросла [Археология УССР, т.1, с.519]. Примерно то же наблюдается и в срубной культуре: на поздних этапах уменьшаются размеры погребальных сооружений, сильно обедняется инвентарь, становится существенно больше захоронений не в курганах, а в простых грунтовых могилах [Археология УССР, т.1, с.467]. Все это свидетельствует об уменьшении социальной стратификации вследствие падения критического коэффициента. В то же время погребения синхронных культур лесостепи стандартны, т. е. социальной стратификации у них не было вовсе. Несмотря на сокращение бронзолитейного производства белозерской культуры, его продукция вывозилась в лесостепь [Археология УССР, т.1, с.525]. Иными словами, уровень развития и критический коэффициент в степи, несмотря на предшествующую депопуляцию, продолжал оставаться высоким. Однако миграции продолжались, и к X в. до н. э. степь опустела.

Начался следующий цикл развития степного населения. Из греческих

источников мы знаем, что народ, который в X в. до н. э. пришел с востока в опустевшие причерноморские степи, назывался киммерийцами [Hdt., IV, 11-12]. На каком языке говорили киммерийцы, достоверно неизвестно. Конец киммерийского цикла пришелся на VII в. до н. э. К концу VIII в. до н. э. относятся свидетельства ассирийских табличек о набегах киммерийцев на страны Передней Азии. В VII в. до н. э. натиск киммерийцев усиливается [Археология СССР, т.2, с.19]. Имеются свидетельства греческих авторов о набегах киммерийцев в Малой Азии [Plut. Mar., XI]. Имеются также сведения о том, что киммерийцы поселились в степных районах центральной части Малой Азии [Пиотровский]. Кроме того, археологические находки позволяют сделать вывод об оседании части киммерийцев на Балканах [Археология СССР, т.2, с.29]. Таким образом, под действием высокого критического коэффициента произошли миграции киммерийцев из степей в лесостепную и лесную зону.

В результате нового падения критического коэффициента в причерноморских степях сюда с востока приходят скифы. Скифы – первые из народов степи, о которых мы почти достоверно знаем, что они говорили на языке, родственном индоиранским языкам [Абаев].

Поскольку кочевое скотоводство исключает интенсификацию хозяйственной деятельности, а, как мы говорили выше, именно усложнение хозяйственной деятельности является причиной роста уровня развития населения, то кочевники имели примерно одинаковый уровень развития за все время их существования. Любопытное наблюдение сделал о скифах Фукидид (конец V в. до н. э.). Отдавая должное боевым качествам скифов, он утверждал, что ни в Европе, ни в Азии "...нет народа, который мог бы один на один противостоять скифам, если все они будут единодушны; но они не выдерживают сравнения с другими в отношении

благоразумия и понимания житейских дел" [II, 97]. В этом замечании выразилось то, что мы говорили выше о кочевниках: высокие боевые качества как следствие высокого критического коэффициента и низкий уровень развития как следствие очень экстенсивного вида хозяйственной деятельности. Однако Фукидид сравнивал скифов с другими известными ему народами, в первую очередь с греками, которые давно уже занимались земледелием, причем весьма интенсивным земледелием. Вместе с тем скифы для населения лесостепи и лесной полосы все время их соседства оставались культурно более передовыми, и центр, из которого исходили новые культурно-хозяйственные импульсы, находился в степи. Это свидетельствует отнюдь не о высоком уровне развития скифов, как мы только что видели, а об очень низком уровне развития населения лесной и лесостепной зон. Это наблюдение позволяет подтвердить вывод об очень экстенсивной хозяйственной деятельности жителей этих зон: пастбищном скотоводстве как основной и подсечном земледелии как дополнительной, плюс изрядная доля рыболовства и охоты. При этом критический коэффициент тут был очень низок, о чем говорят стандартизация и бедность погребений.

Однако по мере того, как критический коэффициент в степи рос, ситуация в лесостепи менялась. После того, как в степи появились киммерийцы, на границе со степью возникают укрепленные городища, обнесенные валами с деревянными стенами. Причем важно, что далее на север население по-прежнему жило в небольших неукрепленных поселениях [Археология СССР, т.2, с.32]. Возникновение укрепленных поселений – городищ является важнейшим индикатором величины критического коэффициента. Очевидно, что население не будет тратить массу времени и сил на рытье рвов, насыпку валов и возведение стен, если для этого не будет веской причины – постоянной и сильной опасности. Эта



опасность может быть как внутренней, т. е. за счет роста критического коэффициента внутри данного сообщества, так и внешней, т. е. за счет его роста у соседей. Постройка городищ главным образом на границе со степью доказывает, что население лесостепи было вынуждено делать это, защищаясь от соседей.

Характерной чертой некоторых городищ лесостепи киммерийского и скифского времени являются их огромные размеры. Например, Чернолесское городище имело 1,5 км. в диаметре, Пастырское – немногим менее 600 м., Трахтемировское имело площадь 500 га, а Бельское – 4000 га. Бельское городище было самым большим городищем этого периода в Восточной Европе. Его площадь почти равна площади Москвы начала XX в. Площадь таких городищ почти не использовалась под застройку, на основании чего давно был сделан вывод, что эти городища использовались для укрытия не только населения, но и скота. Этот факт еще раз подтверждает мнение, что население лесостепи в значительной степени существовало за счет скотоводства, что соответствует принципу достаточности.

С появлением кочевников возникают не только городища, кроме того, меняется погребальный обряд: если ранее для чернолесской культуры были характерны стандартные трупосожжения с погребением в урнах в бескурганых могильниках [Археология УССР, т.2, с.33], то уже с появлением киммерийцев население лесостепи все чаще хоронит покойников по обряду трупоположения в курганах, т. е. так же, как и в степи. В скифское время этот обряд в лесостепи преобладает. При этом дифференциация погребений очевидна: есть большие гробницы, а есть скромные захоронения [Археология УССР, т.2, с.95]. Так же, как и в степи, мужчин тут хоронят с оружием. Все это свидетельствует о значении внешней опасности – социальная дифференциация была вызвана, как и в степи, необходимостью повышения боеспособности населения, вот только

причины, вызвавшие эту необходимость, были не внутренние, а внешние.

Такой вывод можно сделать на основании того, что, чем дальше та или иная группа населения лесостепи была от скифов, тем меньше было городищ и богатых захоронений мужчин с оружием. Например, киевско-черкасская группа памятников скифского времени вся насыщена городищами, которые найдены не только в бассейне Тясмина, но и на севере, в районе Киева. Тут найдены как бедные, так и богатые погребения мужчин с оружием, хотя таких богатых могил, как в степи, здесь нет. Западнее, в бассейне Южного Буга (Восточно-Подольская группа) картина примерно такая же, но далее на запад в Среднем Поднестровье (Западно-Подольская группа) немногочисленные городища сосредоточены на южной окраине, а севернее их нет. Дифференциация погребений значительно слабее, чем на востоке. И, наконец, Волянь, которая из всех районов лесостепи, имевших родственную культуру, расположена далее всего от степи. На Воляни известны только неукрепленные поселения, погребения стандартно бедные, влияние скифской культуры тут едва ощущается. Таким образом, явления явно прогрессивные – появление городищ и социальная стратификация – в лесостепи были вызваны большей частью не внутренним развитием, а фактором внешней опасности.

Уже начиная с V в. до н. э. часть скифов начинает оседать на землю в лесостепи. Культура потомков чернолесского населения все более приобретает скифский характер, и можно с уверенностью говорить об ассимиляции скифами аборигенов лесостепи. Так же, как и аборигены этих мест, скифы селились в пределах лесных массивов. Это свидетельствует о том, что скифы оседали на землю там, где можно было практиковать подсечное земледелие.

В связи с вышесказанным особый интерес представляет вопрос о характере хозяйственной деятельности населения

лесостепи. Сохранились свидетельства Геродота о легендах скифов, в которых важное место занимает плуг [IV, 5]. Далее он пишет о скифах-пахарях, т. е. о населении, возделывающем землю с помощью плуга. И, наконец, говоря о тех же пахарях, он пишет, что они сеют хлеб не для себя, но на продажу [IV, 17].

Эти факты как будто говорят о существовании пашенного земледелия у скифского населения лесостепи. Однако до сих пор не найдены металлические части плугов, относящиеся к скифскому времени. Самое же, пожалуй, главное – это привязка поселений скифского времени к лесным массивам. Слова Геродота о торговле хлебом земледельческого населения лесостепи подтверждаются многочисленными находками античного импорта. Стружки же этих находок, так же как и поселения этого времени, находятся в районах лесных массивов. На степных почвах находок античного импорта сравнительно немного. Они сосредоточены главным образом в бассейне Базавлука – месте самых многочисленных “царских” захоронений скифов, среди которых такие всемирно известные, как Чертомлыкский курган и Толстая могила. Кроме того, имеются находки античного импорта вдоль нижнего течения Днепра. Однако количество находок античных изделий в степи не идет ни в какое сравнение с массой находок в районах лесных почв. Самый крупный из этих районов – это район между притоком Южного Буга Синюхой и Тясмином. Торговля между Ольвией и населением лесостепи велась по Южному Бугу и Синюхе [Рыбаков 1979, с.33 и сл.], в обход Днепра, т. к. Днепр выше современного г. Запорожье был непроходим для судов из-за порогов. Следующий район скопления античного импорта – в нижнем течении Роси, еще два поменьше на Левобережье – один на правом берегу средней Ворсклы, другой в верховьях Сулы. Все эти районы расположены на островах оподзоленных почв, т. е. в пределах лесов. Это предполагает

подсечное земледелие. Однако Геродот совершенно четко и неоднократно говорит о плужном земледелии у скифов. И все же вышеприведенные факты друг другу не противоречат, потому что, как мы уже отмечали выше, рала без металлических частей могут применяться при подсечно-огневом земледелии.

Еще я хотел бы обратить внимание читателя на слова Геродота о том, что скифы-пахари сеют зерно не для себя, а на продажу. Очень сомнительно, что так оно и было. Многочисленные находки серпов, зернотерок, остатков зерна говорят против слов Геродота. Но, возможно, такое мнение у греков сложилось потому, что основную часть пищи население лесостепи получало от скотоводства, а не от земледелия. Это соответствует принципу достаточности, т. е. население стремилось получить максимум продукции от наиболее экстенсивного вида деятельности – скотоводства и только ту часть, которой не хватало до уровня потребностей, получало с использованием более интенсивной деятельности, т. е. земледелия. Возможно также, что, стремясь путем обмена на зерно получить социально престижные греческие товары, население увеличивало (или его заставляла увеличивать племенная аристократия) производство зерновых именно для этой цели, и это еще более усиливало впечатление, которое так категорично выразил Геродот.

Интересная деталь: наиболее богатые и многочисленные захоронения в степи появляются не сразу же после появления скифов в причерноморских степях. Захоронения, сделанные с варварской пышностью, с большим количеством предметов из золота, с трупами людей, убитых для службы погребенному в загробном мире, относятся в основном к IV-III вв. до н. э. Эти захоронения являются свидетельством высокого критического коэффициента. Полагать, что такая социальная дифференциация была следствием экономического развития, значит



непозволительно модернизировать историю. Рост критического коэффициента требовал усиления боеспособности кочевого населения, следствием чего была сильная власть военных вождей. Эта власть использовалась ими для обогащения, однако пышность захоронений этого периода свидетельствует не просто о богатстве погребенных, но и об их совершенно исключительном положении, т. к. среди убитых при захоронении, по мнению большинства археологов, были не только рабы, но и свободные. Появление очень богатых захоронений в IV-III вв. свидетельствует о том, что именно в это время критический коэффициент возрос настолько, что сделал положение военных вождей уникальным, близким к обожествлению.

Археологические находки позволяют сделать вывод о движении населения украинской лесостепи, уже ассимилированного скифами, на запад и север. Вновь заселяется бассейн Южного Буга. В VI-V вв. до н. э. племена лесостепной скифской культуры продвигаются на Вольту, в Верхнее Поднепровье, в верховья Западного Буга и ассимилируют жившее тут население высоцкой и лужицкой культур [Крушельницька, с.147].

Севернее скифской лесостепи по долине Днепра, начиная с широты р. Стугны, т. е. немного южнее Киева, раньше проживало население милоградской культуры. Уже с конца V в. до н. э., но главным образом в IV в. до н. э., начинаются вторжения населения лесостепи на север, о чем свидетельствуют находки на милоградских городищах наконечников стрел скифского типа и захоронений со скифским инвентарем [Мельниковская, с.111]. К концу IV – началу III вв. до н. э. лесостепное население полностью ассимилирует милоградцев на территории севернее Киева примерно до устья Припяти. Причем движение лесостепных племен на север происходило не только вдоль Днепра. Если ранее милоградские памятники занимали всю

территорию лесной зоны южнее Припяти, то к началу III в. до н. э. южнее Припяти их уже нет [там же].

Итак, налицо движение населения лесостепи на север. С некоторым запаздыванием, как и следовало ожидать, начинается запустение более южных лесостепных районов. В IV в. до н. э. начинают запускаться поселения в бассейне Тясмина – самом густонаселенном районе лесостепи. В это время тут начинают появляться захоронения, типичные для степи, – в катакомбах. Следовательно, в IV – III вв. до н. э. новая волна скифов оседает в лесостепи.

Кроме лесостепи, скифы оседали и на Нижнем Днепре. Тут кочевое население поселялось в широкой долине Днепра, которая была благоприятна для пойменного земледелия. В конце V в. до н. э. тут возникает Каменское городище – крупнейший населенный пункт Скифии того времени. Кроме него, по берегам Днепра появляются многочисленные неукрепленные поселения. Впоследствии на месте селищ возникли укрепленные городища, которых сегодня известно 18. Интересная деталь: описывая Днепр, Геродот говорит: “вдоль него тянется превосходная пахотная земля или растет очень высокая трава...” [IV, 53]. Выражение “вдоль Днепра”, скорее всего, означает собственно долину Днепра, особенно на участке от Каховки до Каменки, где найдены поселения скифов. Выше этого места начинались сильно заболоченные плавни.

В начале IV в. до н. э. скифы пытаются продвинуться на запад. Прежде более или менее мирные отношения скифов и фракийцев становятся враждебными. Как результат войн скифов и фракийцев, на рынках Афин появляются многочисленные рабы фракийского происхождения. Позднее скифский царь Атей, который стал первым единым царем Скифии, вступил в союз с македонским царем Филиппом II против сильного царства фракийского народа одрисов. Союзники добились победы, и

скифы овладели землями за Дунаем. Македония также стремилась к экспансии, и вскоре началась война между прежними союзниками. В этой войне македонцы победили: в генеральном сражении в 339 г. до н. э. скифы были разбиты, Атей погиб. В плен были взяты 20 тыс. женщин и детей. Несколько позднее скифам удалось уничтожить войско македонского наместника Фракии Зопириона, который пытался взять Ольвию, но затем македонский правитель Фракии Лисимах вновь нанёс тяжелое поражение скифам.

Еще позднее, с середины III в. до н. э. скифы начинают оседать в предгорьях Крыма. Тут возникают многочисленные поселения и города: всего в Крыму известно более 30 городищ и около сотни селищ и небольших укрепленных поселений. После ухода скифов в левобережной степи появляются захоронения сарматов. Наиболее ранние памятники сарматского типа относятся к концу IV – III вв. до н. э. и обнаружены в междуречье Дона и Северского Донца, в верховьях Псла, в Приазовье, в междуречье Орели и Самары и далее на юг вдоль Днепра. Однако основная масса памятников сарматов относится лишь к I в. до н. э. – I в. н. э. [Археология УССР, т.2, с.190-193], т. е. через 150-200 лет после того, как скифы осели в Крыму.

Итак, постепенный рост критического коэффициента уже в V в. до н. э. привел к оседанию части скифов в приднепровской лесостепи, где до них уже жило многочисленное население. Еще часть скифов несколько позднее осела на Нижнем Днепре. Население лесостепи начинает движение на север, в зону милоградской культуры. Это, несомненно, способствовало снижению критического коэффициента на некоторое время. Но в конце концов все резервы были исчерпаны. Происходит объединение Скифии под властью одного царя: согласно третьему закону резервуара, усиление централизации – обязательный признак нарастания критического

коэффициента. Далее начинаются попытки прорваться на запад. Но усилившаяся как раз в это время Македония отбила эти попытки. Вспомним: македонцы после победы над скифами взяли в плен 20 тыс. женщин и детей. Это значит, что скифы предприняли не просто военную экспедицию, нет, они шли переселяться на новые земли со своими семьями.

После поражения на западе для кочевых скифов остался только один путь – переход к земледелию. Значительное число скифов осело в лесостепи благодаря миграциям лесостепного населения на север. Поскольку скифы жили тут и раньше, трудно судить о том, сколько их еще осело в конце IV – III вв. до н. э. В предгорьях Крыма, где скифских поселений раньше не было, их появление во второй половине III в. до н. э. неопровержимо свидетельствует об оседании на землю скифов тут, где были возможности для перехода к подсеке. Часть скифов осела также в хорошо облесенных низовьях Дуная. Как только это произошло, давление в скифском резервуаре упало. Конечно, вышесказанное не значит, что все скифы стали земледельцами. Значительная их часть оставалась кочевниками, но их стало значительно меньше. Скифия начала напоминать мяч, из которого выпустили воздух. Вот тут-то на освободившиеся земли и стали переселяться с востока сарматы, язык которых был родственным языку скифов.

Сарматы постепенно заселяют Левобережье и лишь в I в. до н. э. – I в. н. э. переходят на правый берег Днепра [Археология УССР, т.2, с.193]. Вероятно, именно к этому времени относится то место у Диодора Сицилийского, где он пишет о сарматах: “много лет спустя (после азиатских походов скифов – А.А.), сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню” [II, 43, 7]. Именно в I в. до н. э., когда сарматы “сделались сильнее”, т. е. начали

испытывать действие высокого критического коэффициента, гибнет часть укрепленных поселений скифов на Нижнем Днепре. Этот период как раз соответствует времени жизни Диодора. Кстати, скифы, живущие на Нижнем Днепре в открытых селищах, именно во II-I вв. до н. э. [Археология УССР, т.2, с.224] начинают укреплять свои поселения. Процесс миграций населения лесостепи на север продолжался и при сарматах. В конце III в. до н. э. полностью запустело все левобережье, бассейн Тясмина и Южного Буга. Объяснять эти явления натиском сарматов нельзя, т. к. в бассейне Роси и выше по Днепру, где население продолжало жить, исчезают укрепленные городища и жизнь продолжается в маленьких открытых селищах. Это плохо согласуется с натиском кочевников. Скорее всего, население просто ушло из этих мест, т. к. критический коэффициент стал слишком высок.

6.2. Лесная зона Центральной и Восточной Европы с II тыс. до н.э. до начала нашей эры.

С VI в. до н. э. коренным образом меняется ситуация на территории Польши и Восточной Германии. На севере Польши, т. е. в ареале лужицкой культуры, вдоль побережья Балтийского моря от нижнего течения Вислы до нижнего течения Одера с конца VII – начала VI вв. до н. э. возникает поморская культура. Примерно в это же время на территории Дании возникает ясторфская культура [Монгайт 1974, с.329], позднее распространившаяся на севере Германии. Археологи давно считают ясторфскую культуру первой достоверно германской культурой, поскольку она имеет генетическую связь с исторически зафиксированными германскими племенами [Germanen – Slawen – Deutschen]. Памятники поморской культуры, несомненно, имеют связи со Скандинавией. Тут найдены многие предметы, имеющие аналогии в скандинавских памятниках этого

времени [Седов 1979, с.46; Монгайт 1974, с.329].

Есть все основания считать, что южная Скандинавия была местом, где долгое время существовал общегерманский язык. Именно тут топонимы принадлежат только германскому языку [Karsten, s.129]. И поморская, и ясторфская культуры возникают в эпоху, непосредственно предшествующую распаду единого германского языка, который лингвисты датируют рубежом VI-V вв. до н. э. [Германские и кельтские языки, с.16], что как раз и предполагает расселение германских племен как минимум на 100 лет раньше. Миграции германцев в Данию, которые привели к формированию ясторфской культуры, соответствовали отделению западногерманских языков от скандинавских. Следствием этих миграций стала сильная депопуляция Скандинавии, которая фиксируется археологами с конца VI – начала V вв. до н. э. Причем депопуляция характерна для юга, там, где ранее жили земледельцы. На севере, где жили охотники, депопуляции не наблюдается. Для периода почти в пятьсот лет на юге Скандинавии известны всего лишь несколько могильников с бедным инвентарем. Поселения этого периода почти не известны [Монгайт 1974, с.289-290].

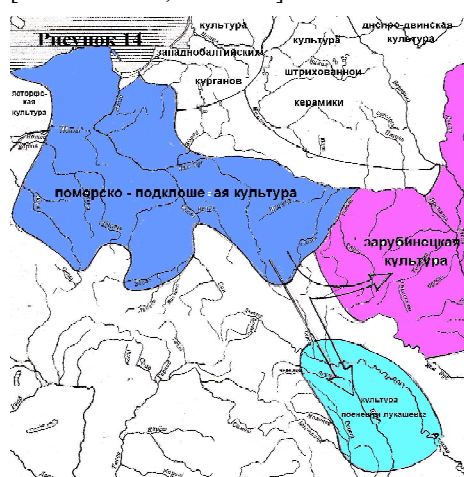


Рисунок 14

Депопуляция сопровождалась регрессом. В бронзовом веке в Скандинавии производство бронзовых изделий достигло очень высокого уровня, возможно, наивысшего в Европе [Монгайт 1974, с.100]. Но с начала V в. до н. э. в Скандинавии почти прекращается производство бронзовых изделий, а находок железных нет. Характерно, что, хотя археологи отмечают определенный регресс, в частности, стандартизацию и бедность погребений и на территории Дании, тут убыли населения не было. В то же время на севере Германии, куда расселялись носители ясторфской культуры, археологи отмечают значительный рост населения [Монгайт 1974, с.329].

Таким образом, германцы из Южной Скандинавии, где сложился единый германский язык, на рубеже VII-VI вв. до н. э. начинают расселяться на юг, что, в соответствии с третьим законом резервуара, ведет к регрессу. Основной поток мигрантов шел через территорию Дании. Вместе с тем, меньшая часть мигрантов, через Балтийское море и остров Готланд, могла направиться на прибрежную территорию Польши, образовав тут поморскую культуру. То, что такие миграции возможны, подтверждается последующими историческими событиями.

Практически сразу после своего возникновения поморская культура начинает распространяться к югу, на остальную территорию, занятую населением лужицкой культуры. В течение VI-V вв. до н. э. поморская культура на юге достигла Силезии, а на юго-востоке – Мазовии и далее до Волыни. Очевидно, что в количественном отношении носители поморской культуры сильно уступали аборигенному лужицкому населению. Расселение поморских племен не привело к полной ассимиляции ими носителей лужицкой культуры. В отдельных районах Польши лужицкая культура продолжает существовать до последней четверти II в. до н. э. [Кухаренко 1969, с.99]. Там же, куда с Поморья продвинулись носители поморской

культуры, сформировалась культура подклошевых погребений, включавшая в себя черты как поморской, так и лужицкой культур [Кухаренко 1969, с.100].

С самого начала V в. до н. э. начинается кельтская экспансия в Европе. Кельтские культуры принадлежали к той же культурной общности полей погребальных урн, что и лужицкая культура. Из бассейна Среднего Дуная кельты расселились на территории современных Швейцарии, Франции, юга Германии, Британских островов, проникли в Испанию. Кельты заселили северную Италию, а в 390 г. до н. э. едва не взяли Рим. Кельтские племена галатов проникают даже в Малую Азию. С III в. до н. э. кельтское население приходит на территорию Польши и поселяется в Верхней Силезии и на Нижней Висле [Кухаренко 1969, с.101].

Кельты достигли довольно высокого уровня развития. Это обусловлено в первую очередь тем, что они занимали районы, имевшие высокую плотность населения. У них была высокоразвитая для того времени металлургия, гончарное производство, ювелирное дело, вследствие чего кельтская (латенская) культура оказала большое влияние на соседние народы, в том числе и на германцев. Ясторфская культура была настолько сильно кельтизирована, что трудно иногда определить, какие памятники принадлежат ей, а какие латенской культуре [Монгайт 1974, с.329]. Это соответствует довольно многочисленным кельтским заимствованиям в германских языках. Сильное влияние кельтов испытала также поморская культура. В первую очередь это определенные типы украшений, фибулы и чернолощенная посуда. Для получения такой посуды ее сразу же после обжига погружали в горячий мучной раствор, в результате чего органика обугливалась при контакте с раскаленной керамикой, и посуда становилась черной или темно-коричневой.

В междуречье Одера и Нейсе в результате взаимного проникновения населения ясторфской и поморской культур возникает т. н. губинская группа. В конце

III в. до н. э. это население мигрирует на юго-восток и тут, главным образом в междуречье Среднего Днестра и Прута, возникает культура типа Поенешти-Лукашевка [Щукин 1993]. Именно в этом районе письменные источники помещают бастарнов, называя их то кельтами [Liv. XLIV, 26, 2-3, 14], то германцами [Strabo, VII, 3, 17; Plin. N. N., IV, 81; Tac. Germ., 46]. Из сообщений древних авторов мы знаем пять слов бастарнов, два из которых, несомненно, германские [Браун, с. 112]. Если читатель не поленится вернуться к рис. 2, на котором показано размещение скандинавской гаплогруппы I1, то он легко может убедиться, что там, где находилась культура Поенешти-Лукашевка, расположен изолированный анклав гаплогруппы I1 с частотой 5%, что подтверждает версию о германском происхождении бастарнов.

Одновременно с культурой Поенешти-Лукашевка на Среднем и Верхнем Днестре, а также в Полесье возникает зарубинецкая культура, для которой также характерны изготовление чернолощеной посуды, использование фибул (заколки для одежды) латенского (кельтского) типа. Все эти факты, и особенно синхронность появления культуры Поенешти-Лукашевки и зарубинецкой, позволяют предположить, что они обе сформировались за счет переселения сюда племен с территории Польши и Германии – поморской и ясторфской. Кроме того, Страбон, описывая ситуацию в Причерноморье на рубеже II-I вв. до н. э., размещает между Дунаем и Днестром “в глубине материка” две группировки бастарнов [Strabo, VII, 3, 17], которые в принципе соответствуют зарубинецкой и Поенешти-Лукашевской культурам.

Зарубинецкая культура, несомненно, имела большое значение в развитии интересующего нас региона, поэтому нам необходимо рассмотреть ее историю детально. В составе зарубинецкой культуры археологи первоначально различают три региона: Полесский, Среднеднепровский и

Верхнеднепровский. Среднеднепровский регион охватывает в основном территорию Киевской группы скифской лесостепной культуры. Однако, в отличие от этой последней, зарубинецкое население почти оставило бассейн Тясмина – ранее самый густонаселенный район. Кроме того, практически исчезло оседлое население в левобережной лесостепи и в долине Южного Буга. С другой стороны, зарубинецкое население заняло Верхний Днепр и Сож – места, где раньше жило милоградское население.

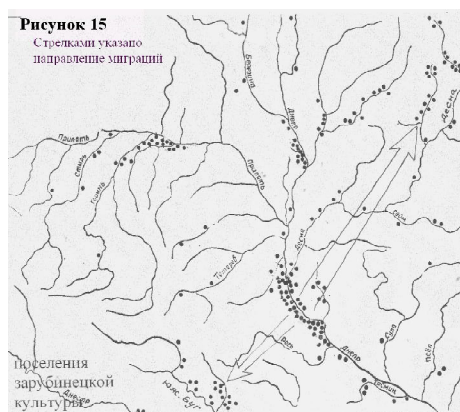


Рисунок 15

Археологические исследования свидетельствуют, что на Верхнем Днестре милоградское население некоторое время жило чересполосно с зарубинецким. На многих городищах более ранние нижние слои принадлежат милоградской культуре, более поздние верхние – зарубинецкой [Мельниковская, с. 26]. Все это свидетельствует о том, что зарубинецкое население постепенно ассимилировало милоградское. Следовательно, оно было тут пришлым. Прийти на Верхний Днепр зарубинцы могли только с юга, из Среднего Поднепровья. Этот вывод подтверждается тем, что археологи считают, что “в материалах Среднего и Верхнего Днестра отчетливо проступают черты сходства со скифской культурой. Это и керамика, и наконечники стрел, булавы, пряжки, браслеты, пряслица схожих типов...

Одинаковые по конструкции железоделательные горны, аналогичные формы многих изделий из железа и стали – ножей, серпов, кос, долот, зубил, напильников, игл, рыболовных крючков и других предметов, наконец, применение цементации, кузнечной сварки, свидетельствуют о наличии генетической линии связи между позднескифской лесостепной и раннезарубинецкой культурами” [Максимов, с.55]. Археологи отмечают, что существует типологическая и технологическая схожесть керамики зарубинецкой культуры с посудой местного населения, жившего в бассейне рек Роси и Тясмина в V-III вв. до н. э., т. е. в скифское время [Максимов, с.54]. Например, специфическая черта скифской лесостепной культуры, крышки для кувшинов, имеются в большом количестве и в зарубинецкой культуре. Преемственность наблюдается и в типе жилищ на Среднем Поднепровье – полуземлянки с плетнево-столбовой конструкцией стен и глиняной обмазкой.

Вывод из вышеизложенных фактов может быть только один: население лесостепи в конце III – самом начале II в. до н. э. снялось со своих мест и мигрировало на Верхний Днепр и Сож. При этом некоторые районы лесостепи запустели. Это движение на север во многом завершает то, которое, как отмечалось выше, началось еще в скифское время. Причиной этого переселения не мог быть натиск кочевников, т. к. как раз в это время (III в. до н. э.) в лесостепи оставшееся население покидает укрепленные городища и начинает жить в неукрепленных селищах, о чем я уже говорил выше.

Однако позднее, на рубеже нашей эры (конец I в. до н. э. – начало I в. н. э.) в Поднепровье на зарубинецких городищах были сооружены системы укреплений. Важно отметить, что это совпадает с разгромом сарматами первых скифских городищ на Нижнем Днепре. Следовательно, именно в этот период в степях была накоплена достаточная масса населения для

того, чтобы критический коэффициент стал высок и сарматы перешли к агрессивным действиям.

В середине-конце I в. н. э. зарубинецкие районы Среднего Поднепровья приходят в запустение. По мнению археологов, причиной этого является натиск сарматов. Действительно, археологическими раскопками обнаружены следы того, что на рубеже нашей эры деревянные укрепления некоторых городищ среднего Поднепровья были сожжены, а на внешней стороне городищ были обнаружены сарматские наконечники стрел [Максимов, с.78].

Однако после предполагаемого сарматского разгрома на месте сожженных укреплений практически на всем пространстве правобережных зарубинецких племен на городищах были сооружены новые, более мощные укрепления. Время сооружения этих укреплений – I в. н. э. [Максимов, с.101]. Следовательно, зарубинецкое население Среднего Приднепровья натиск сарматов выдержало, а ушло из родных мест позднее. Миграции со Среднего Приднепровья были направлены в бассейн Десны и в лесостепной район на Южном Буге, о чем свидетельствует сходство в керамике, жилищах, железных изделиях [Максимов, с.29].

Можно предположить, что зарубинецкое население действительно ушло в лесную зону на Десну, спасаясь от сарматов. Но тогда непонятно, почему часть зарубинцев ушла на Южный Буг, причем возникшие тут поселения не имели ни природных, ни искусственных оборонительных средств [Максимов, с.79]. Не правда ли, факты говорят сами за себя: население бежит от степняков, переселяясь поближе к ним, при этом не пытается даже поселиться в труднодоступном месте и никак не укрепляет свои поселения! На своей прежней территории в Среднем Поднепровье оставшееся население покидает укрепленные городища и поселяется в маленьких незащищенных



селениях. Показательно, что на среднем Поднепровье оставшееся зарубинецкое население продолжает жить не только севернее Роси, но и восточнее (на левобережье) и даже южнее в маленьких неукрепленных поселениях [Максимов, с.174]. Это тоже мало похоже на бегство от степняков.

Очевидно, что зарубинцы уходили из родных мест совсем по другой причине. Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, что в Среднем Поднепровье зарубинецкие поселения размещались чрезвычайно густо, теснясь в долине Днестра и Роси, т. е. в лесных районах. Вдоль правого берега Днестра зарубинецкие поселения расположены почти непрерывной цепью, и важно отметить, что именно так, вдоль правого берега тянулась 25-километровая полоса сплошного леса. Археологические материалы свидетельствуют, что как раз накануне переселения, т. е. в конце I в. до н. э., численность населения Среднего Приднепровья существенно возросла, тут появляются новые многочисленные небольшие поселения [Максимов, с.29].

В результате этих миграций Среднее Поднепровье пустеет. И поселения, и могильники этого времени небольших размеров, со слабо выраженными признаками оседлой жизни. Городища вдоль Днестра были оставлены населением [Максимов, с.123]. При этом больше запустели центральные районы, кое-где на окраинах зарубинецкие поселения существуют до первой половины – середины II в. н. э. Замечу, что при подобных миграциях всегда сильнее запустевают центральные районы, т. к. там выше критический коэффициент.

Характерной чертой процессов, сопровождавших уход населения со Среднего Поднепровья, является регресс материальной культуры. На памятниках I – II вв. найденная кухонная керамика изготовлена очень грубо, а лощеной керамики стало значительно меньше [Максимов, с.124]. Кроме того,

поздnezарубинецкое железоделательное ремесло, представленное материалами поселения Оболонь, имело изделия гораздо худшего качества и менее совершенную технологию, чем позднескифское и раннезарубинецкое [Максимов, с.55]. Снижение плотности населения привело к регрессу материальной культуры – керамики, металлургии, как это и должно быть, в соответствии с третьим законом резервуара. В конечном счете, Среднее Поднепровье практически полностью запустело: найдены только отдельные небольшие поселения, в частности, на левом притоке Днестра – Трубеже.

Установить, на каком языке говорило население зарубинецкой культуры, на данном этапе нашего исследования невозможно. Как отмечалось выше, несомненно, что субстратом зарубинецкой культуры было скифоязычное население украинской лесостепи. Однако очевидно также, что имела место миграция с территории Польши – Восточной Германии на Средний Днепр, так же, как и в междуречье Прута и Днестра. Как отмечалось выше, античные авторы называют носителей культуры Поенешти-Лукашевка кельтами или германцами. Действительно, фрагменты кельтской керамики, кельтские украшения, оружие найдены на поселениях этой культуры [Археология УССР, т.3, с.42]. Однако археологический и генетический материал свидетельствуют, что важным компонентом культуры Поенешти-Лукашевка было население ясторфской культуры, т. е. германцы, что подтверждается тем, что некоторые слова из языка лукашевцев были достоверно германскими. Эти факты позволяют предположить, что население культуры Поенешти-Лукашевка было германоязычным.

Однако следует ли из вышесказанного, что населением зарубинецкой культуры было также ассимилировано германцами? Раз имела место миграция, то больше вероятность того, что мигранты

ассимилировали аборигенов, а не наоборот. И все же ясторфские компоненты в культуре Поенешти-Лукашевка намного сильнее, чем в зарубинецкой, например, миски и кружки с иксовидными ручками, характерные для лукашевской и ясторфской культур, в зарубинецкой отсутствуют. Кроме того, для культуры Поенешти-Лукашевка обычным является трупосожжение с захоронением праха в урнах, что характерно для ясторфской культуры, а в зарубинецкой была наиболее распространена кремация с захоронением праха в ямках. На Среднем Поднепровье захоронение праха в урнах встречается иногда, в Верхнем же Поднепровье найдены только захоронения праха в ямках [Археология УССР, т.3, с.20]. Именно такой погребальный обряд был характерен для ассимилированного здесь зарубинцами населения милоградской культуры [Мельниковская, с.42].

Следовательно, если в культуре Поенешти-Лукашевка влияние с северо-запада выразилось практически во всем культурном комплексе, то в зарубинецкой культуре это влияние отразилось в обычаях изготовления чернолощеной посуды, латенских типов фибул и некоторых видов украшений. Собственно говоря, и чернолощеноя посуда, и форма фибул также были позаимствованы населением ясторфской и поморской культур у кельтов. Следов же значительной миграции носителей этих культур на Среднее Поднепровье археологические материалы не дают. Пока мы можем лишь сказать, что языком предков зарубинцев был скифский язык, который испытал германское и, возможно, кельтское влияние. Завершилось ли это влияние ассимиляцией, мы пока сказать не можем.

